

(13.12.2003)
(сер.),
Кочергин

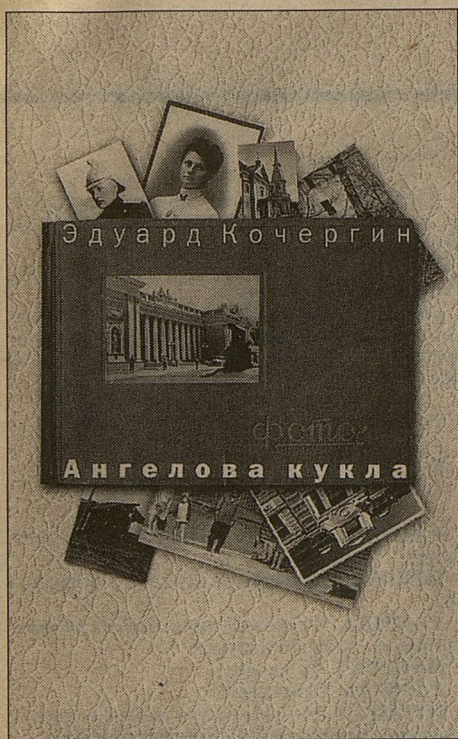
Кочергин

325

Густые рассказы

Ольга ЕГОШИНА

Этот год для Эдуарда Степановича Кочергина начался с небольшой персональной выставки в редакции журнала «Знамя». Именно этот журнал напечатал рассказы художника и выставка была приурочена к презентации публикации, которой в «Знамени» по праву гордятся. Выставка была названа «Возвращение на круги своя». Так назывался давний спектакль Малого театра по пьесе ИДруче с Игорем Ильинским в роли Льва Толстого в декорациях Э.С.Кочергина. Но смысл названия выставки гораздо шире. И замечательная проза художника и его эскизы также «возвращение на круги своя». На стенах редакции можно видеть ранние работы Кочергина (эскизы к «Принцу и нищему», «Маклене Грассе»), те вещи, которые можно назвать классикой — знаменитые эскизы к «Холстомеру», «Братьям и сестрам», «Господам Головлевым» и совсем недавние — к «Жоржу Дандену» (спектакль АБДТ имени Г.А.Товстоногова в сценографии Кочергина был показан летом на Международном Чеховском фестивале, оформление «Дандена» вызвало бурю восторгов московской публики и московской критики) и к опере «Снегурочка», постановка пока еще только планируется в Мариинском театре. «ЭС» публикует рецензию О.Егошиной на книгу Э.С. Кочергина и эскизы художника, в частности и те, что экспонировались на выставке в «Знамени».

В книгу «Ангелова кукла: Рассказы рисовального человека» Эдуарда Кочергина вошли его новеллы, частично печатавшиеся в «Петербургском театральном журнале», — о времени и людях 40-х — начала 60-х годов. То есть рассказы о тех событиях детства и юности, о встреченных людях и впечатлениях, которые стали формирующими и определяющими. Надо ли говорить, что самое любопытное — область жизненных впечатлений, в которой складывается личность крупного художника, поворотные моменты, когда человек встречается с самим собой и становится тем, каким его узнает мир (этим, наверное, и объясняется непреходящая популярность мемуарного жанра). В театральном сознании Эдуард Кочергин существует в двух ипостасях. В одной — это живой классик, художник, названный великим с четверть века назад, соратник Товстоногова, попутчик Любимова и Равенских, спутник Гинкаса и Додина. В другой — главное действующее лицо многочисленных театральных легенд, человек, к которому как ни к кому другому подходят изумительные слова анонимного гения: «вот мужик — встретишься, не разойдешься!».

Театр Эдуарда Кочергина, так или иначе, вошел в каждого театрального человека. Вместе с Давидом Боровским, Мартом Китаевым, Сергеем Бархиным, он изменил само представление о возможностях сценографии. Рискну предположить, что в десятке сильнейших театральных впечатлений жизни практически у всех людей нашего театра непременно будут одна-две-три-четыре-десять постановок с Кочергиным. Десятилетиями помнит-

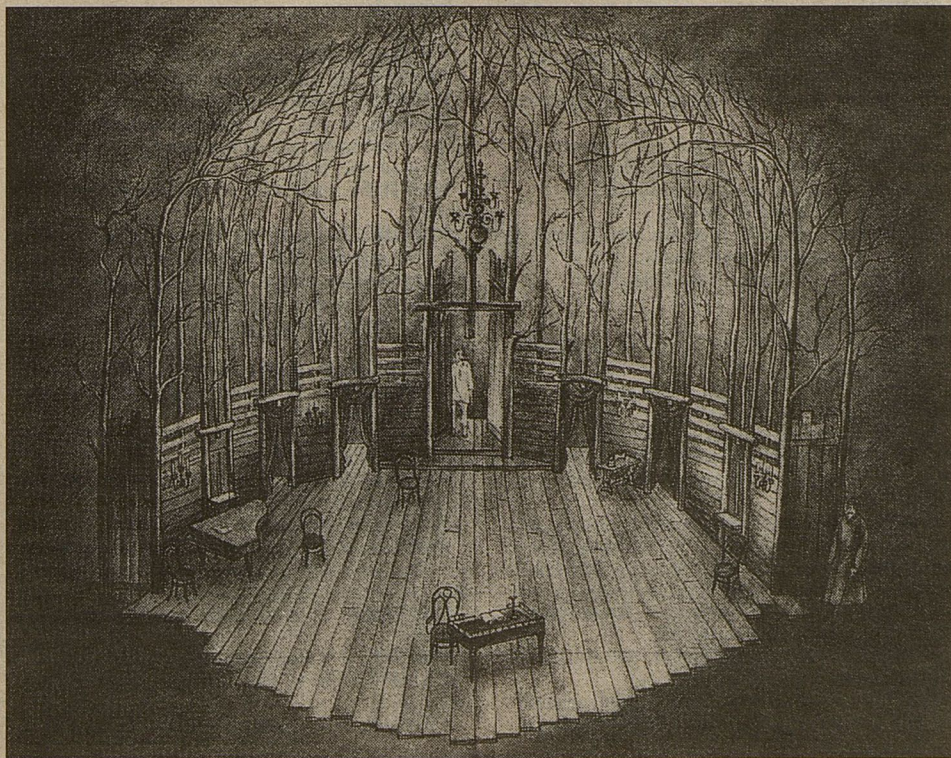
ся, как бродил по огромному вымершему головлевскому дому Иудушка-Смоктунковский, натываясь на стулья в мертвенно-белых чехлах, а вокруг дышала бесформенная шуба не шуба, тулуп не тулуп, — ненасытная пустопорожняя утроба, материализовавшаяся смерть, готовая задушить в своих объятиях, а из всех щелей ее и прорех, за которыми ад, появлялись упокойнички. Или как за деревянными столами сидят обитатели Пекашина в «Братьях и сестрах» на празднике Победы, а жерди-прясла распахиваются для возвращающихся фрон-

товиков, идущих по проходу зрительного зала. Сизо-сиреневый дымный воздух, дрожащий вокруг героев «Бесов», качающиеся мостки, на которых разговаривали Ставрогин-Семак с Федькой-Склярком, странные адские ответы в сцене сходки. Свой набор воспоминаний никому не навязываю.

«Храмовая декорация» — термин, которым устойчиво определяют театральные миры Кочергина. А самого художника сравнивают с теми строителями деревенских церквей, которые, придя на новое место, долго слушают заказчика, не столько его слова, сколько его молчание, угадывая то, что за и помимо слов. А потом долго изучают каждый миллиметр округи. И наконец, находят то единственное место и ставят там церковь, чей силуэт отзовется в сердце, вдруг возникнув за излучиной реки или за изгибом дороги. Сценография, созданная Кочергиным, всегда вписана в эту конкретную сцену, всегда часть целого — спектакля, всегда подчинена чему-то большему, чем функциональное удобство или эстетическая выразительность (так, любой храм меньше всего претендует быть архитектурным шедевром, самопоказом мастера, и не для того строится).

В шутку, но и всерьез он уверяет, что лучшая премия сценографу придумана в Англии, и называется она: «художнику, который незаметен». Действительно, надо делать усилие, чтобы соединить живущие в памяти такие разнородные постановки, сделанные в таких разных стилевых приемах, где живут и дышат такие непохожие друг на друга холщевые, деревянные, бумажные фактуры, — и объединить их одной фамилией

Кочергин. В театральную ярмарку

Экран и сцена —

Эдуарда Кочергина

тщеславия, часто похожую то ли на состязание, то ли на выставку-продажу, он приносит представление о театре как об артельном деле, где торжествует высокая складчина, а конечный результат бесконечно выше любых личных амбиций.

И это совсем не аффектация скромности. Вообще слово скромность, кажется, мало подходит к Эдуарду Кочергину — самому независимому, самому взрывному, самому непредсказуемому персонажу нашего театрального быта. Человек, похожий то ли на плотника, то ли на охотника, с умными руками (умеющими и дом срубить и печь сложить и промеж глаз звездануть) и опасной независимостью нрава. В любом более менее долгом трепе о театре непременно возникнет его характерный силуэт. Кочергин, надевающий ведро с краской на голову режиссеру. Кочергин, виртуозным матом объясняющий нерадивым работникам постановочного цеха, что он думает о халтурщиках. Кочергин, стремительной кометой летящий по коридору, оставляя за собой влипнувших в стенку случайных прохожих. Кочергин, чья вдохновенная ругань несется по всем театральным динамикам, а несчастная причина этой ругани боится выйти из гримерки... Кочергин, к которому пристала на улице шпана, и которой он быстро объяснил, что значит уметь драться. Набор историй-мифов о "человеке, который никого не боится", опять же у каждого свой.

"Худшим из всех пороков является трусость", — сформулировал Иешуа Га-Ноцри. И кажется, Эдуард Кочергин с ним абсолютно согласен. Он очень редко говорит о ком-то "трус", но всегда вздрагиваешь, сколько презрения может вместить такое короткое слово. Кажется, Кочергин не очень понимает, что это такое — бояться. Бояться начальников, бояться уличных хулиганов, бояться сказать то, что думаешь и поступить так, как считаешь нужным... Как поясняет он сам: "в силу ряда обстоятельств моей биографии я вообще никого и ничего не боюсь в этой стране, — с малых лет видел всякое".

Читая "Ангелову куклу", можно понять, как формировался этот характер, как закалялась воля. Но раскрывается и большее — подпочва, которая питала и продолжает питать, то заколдованное пространство, откуда вырастал его головокругительный и бесстрашный мир, обрушившийся с театральных подмостков. В своей

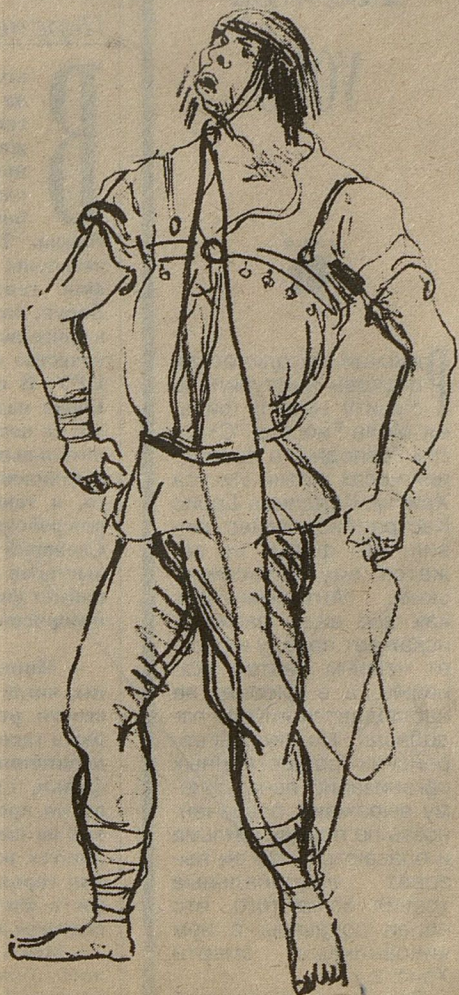

книге он рассказывает об этом "всяком", пройдя через которое, навсегда теряешь чувство страха. Когда твоя мать рождает тебя с испугу на два месяца раньше срока, потому что арестовали "за кибернетику" отца. А потом, когда тебе исполнится два года, арестовывают и мать. Десятилетний брат от побоев в школе повредится в рассудке и умрет от воспаления легких в куйбышевском дурдоме. А сам ты станешь казенным воспитанником "детских крестов" и узнаешь — и что такое побои, и что такое карцер, и что такое голод. А потом пацаненком, восьми лет от роду, в год победы сбежишь из этого казенного дома, и долгие пять лет будешь добираться через детприемники и детдома от Омска до Ленинграда. Научишься выживать в любых обстоятельствах, научишься защищаться и рисковать, научишься воровать, выпрашивать и зарабатывать, научишься прятаться и идти напролом. Научишься воровскому удару "локотью" (локтем в сердце, а кулаком в висок). Кажется, на всю жизнь осталось у него это умение никогда полностью не расслабляться и твердое знание, что человек может вынести все, если только он не поддается страху и жалости к себе.

Удивительное впечатление производит отсутствие этой жалостливой интонации, ставшей привычной в потоке современных мемуаров, авторы которых рассказывают о том, как не сложилась жизнь из-за невнимания школьной учительницы, из-за вечно занятых родителей, из-за неприятных соседей во дворе. Кочергин рассказывает свою жизнь, точно глядя со стороны, с высоты птичьего полета, разглядывая мир и людей вокруг. Он рисует людей и пейзажи, так же, как зарисовывал в свои блокноты наличники, полотенца, повети, печи — всю фантазмагорию русского узорочья во время долгих путешествий по Псковщине, Вологодчине, по русскому Северу.

Если принять утверждение, что родина — это акт веры, то эта книга — рассказы об обретении веры. Кочергин принесет в свои спектакли то знание страны, которое никогда не обретишь в прогулках "на пленэре" и выездах на дачу. Может, поэтому (хотя работал он и над Шекспиром, и над Мольером, и над Лоркой, и над Брехтом), главные его художественные победы связаны с Толстым, Достоевским, Щедриным, Горьким, Чеховым, Абрамовым. Можно сказать, что Кочергин — один из тех, кто принес и создал на нашей сцене образ деревенской России, ее простора, ее лесов, полей, полустанков, дыхание того необъятного и щемящего, обетованного, родного и проклятого пространства, про которое мы говорим — Русь. После рассказов о его университах начинаешь понимать, как, в сущности, убога опора на фантазию, когда жизненный опыт художника ограничен институтом да пятеркой столичных театров.

На страницах "Ангеловой куклы" оживут десятки русских типов: чудики, пьяницы, анахореты, нищие, блаженные, солдаты, художники, артисты, бабы и мужики, заключенные и вертухаи, воры в законе и малолетняя шпана, начальница детприемника Жаба и старый уркаган Мечта прокурора, проститутка Аня Непорочная и достопримечательность Летнего сада — Ваня-жид, артист-куровод дядя Женья и опустившийся потомок брандмайора, сформулировавший неожиданно: "Человек — это звучит больно". Как сказано в книжной аннотации: удивительные люди российского "дна". А театральный человек заметит, что все герои книги Кочергина — готовые сценические персона-

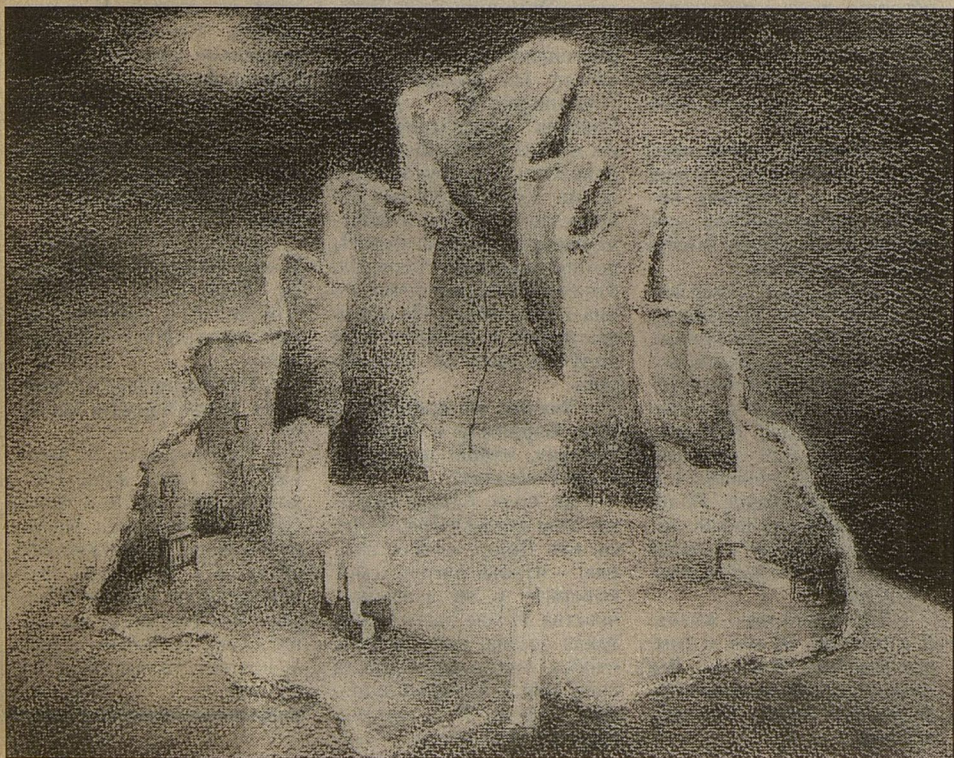
жи (типажи до сих пор театром недо востребовавшиеся), а его истории — минипьесы или, по крайней мере, — прозаический вариант городского романа. Его герои с незадавшейся судьбой и светлой душой, — люди, которые, по глубокому убеждению автора, непременно спасутся. Все до единого, даже стукач Фарфоровые уши и алкогольный академик, туманным утром вопросивший у хвоста водочной очереди: "Россия! Кто здесь крайний?" Кто-то спасется верой. Кто-то добрыми делами. Сведенборг добавил нам путь спасения разумом. А Уильям Блейк — искусством.

Эскизы костюмов:

- "Мольер". Бутон;
- "Генрих IV". Телок;
- "Генрих IV". Воин;
- "История лошади". Холстомер

Эскизы декораций:

- "Кровавая свадьба" (занавес);
- "Возвращение на круги своя";
- "Господа Головлевы";
- "Братья и сестры"

Экран и сцены —

